

Янь Юань обернулась, лишь услышав шаги. Только тогда Шэнь Яо смог как следует разглядеть её лицо. Черты у неё были схожи с чертами Янь Чжисина, но куда мягче — без той холодной остроты, что делала сына похожим на обнажённый клинок. Тёплые глаза, спокойный взгляд — такие лица располагают к себе сразу, не оставляя места для настороженности.

Она указала на пустой стул рядом:

— Садись сюда. Это я попросила Чжисина позвать тебя поужинать вместе. Ты не против?

Шэнь Яо не мог угадать, что именно Янь Чжисин успел ей рассказать — и зачем ей вообще понадобилось приглашать именно его, омегу. Оставалось только подчиниться. Он прошёл к столу и сел рядом.

Как Янь Чжисин его представил — он не знал, а потому произнёс осторожно:

— Добрый вечер, тётушка. Я ни в коем случае не помешаю.

Янь Юань чуть склонила голову в знак ответа:

— Ты видел меня раньше?

— Да. — Шэнь Яо мельком взглянул на Янь Чжисина, сидящего напротив. Тот был всё так же непроницаем. Шэнь Яо отвёл взгляд и ответил честно: — Я видел вас на банкете. Потом — в театре, в зрительном зале.

— Я люблю балет, — сказала Янь Юань с лёгкой улыбкой. — Сольные номера смотрю редко. Но твоё соло было очень красивым.

Шэнь Яо чуть смутился — рука непроизвольно потянулась к носу. Скованность, с которой он вошёл, заметно спала. Он прикусил губу и улыбнулся Янь Юань с мягкой застенчивостью — именно такой вид нравится старшим.

Та улыбнулась в ответ и подозвала официанта, попросив принести меню. Хочет ли Шэнь Яо что-нибудь заказать дополнительно?

Он быстро пробежал глазами по листу и едва заметно покачал головой.

Ужин прошёл в странноватой тишине. Янь Чжисин почти не говорил — открывал рот, лишь когда Янь Юань обращалась к нему напрямую, и отвечал коротко, без лишних слов. Всё

остальное время разговор держался на двоих. Шэнь Яо умело подхватывал каждую нить беседы; иногда умудрялся рассмешить Янь Юань — ненарочито, легко. Она расспрашивала о танцах, словно просто искала приятного собеседника за ужином.

Шэнь Яо почти ничего не съел.

На обратном пути Янь Юань устроилась на переднем сиденье, они с Янь Чжисинем — сзади. Когда Шэнь Яо вышел, она заговорила — всё тем же мягким, почти невесомым голосом:

— Ты тогда сказал, что тебе неинтересно. И вдруг — такое совпадение. Именно тот омега, которого ты так долго искал?

Янь Чжисин потянул узел галстука, ослабляя. Ничего не ответил.

— Ты долго его искал? — спросила она снова. — И теперь хочешь жениться?

Такой важный вопрос — а она задала его будто спрашивала, не проголодался ли он.

Янь Юань была его матерью. Но между ними стояло что-то невидимое — прозрачное, как стекло, и такое же холодное. Она знала лишь, что он разыскивал какого-то омегу. О синдроме зависимости от феромонов — не догадывалась.

Не зная истинных причин, вся эта история выглядела со стороны странно — упрямое, ничем не объяснимое преследование. А за любым поступком должен стоять мотив.

Шэнь Яо был непредсказуем и неудобен. Жениться на нём — только создавать себе проблемы. Таких планов он не строил.

Янь Чжисин стиснул челюсть. Помолчал. Потом произнёс тихо:

— Совместимость наших феромонов очень высокая. Если всё сложится — скорее всего, да. Женюсь.

— Немного жаль, — сказала Янь Юань с лёгким сожалением. — Мне очень понравился его взгляд. Знаешь, на кого он похож?

— На кого?

Она улыбнулась — и не ответила.

Больше не сказала ни слова. В машине воцарилась тишина. Профиль Янь Чжисина отражался в

тёмном стекле; он опустил глаза, и холодная синева взгляда укрылась за длинными ресницами.

Документы, которые он изучил, рисовали картину однозначную: Шэнь Фулинь относился к Шэнь Яо как к родному. Но при личном общении с самим Шэнь Фулинем и в словах Шэнь Яо читалось совсем иное.

Семья Шэнь когда-то стояла вровень с семьёй Янь. Теперь — стремительное падение, год за годом, всё меньше и меньше.

Для него, только что вернувшегося на родину, семья Шэнь была лёгкой добычей. Удобным шагом в нужную сторону.

У ворот поместья их пути расходились — Янь Юань жила отдельно. Другая машина уже ждала её у развилки.

В салоне остались только он и Чэнь Шуан. Янь Чжисин бесшумно перелистывал контракт.

— Чэнь Шуан. Лаборатория и клиника — как идёт подготовка?

— Почти готово, господин, — ответил тот.

*

Затяжная история с расставанием наконец улеглась. Сюй Ибай улетал снова — за границу.

Шэнь Яо приехал в аэропорт его проводить. Как обычная пара, они обнялись на прощание.

Шэнь Яо прижался к нему, не спеша отпустить:

— Ты уезжаешь на два месяца?.. Два месяца без тебя. Мне будет тяжело.

Сюй Ибай коснулся его лба:

— Вечерами у меня будет время...

— Пиши мне.

Раньше именно Сюй Ибай говорил такое. Теперь Шэнь Яо опередил его. Он зарылся лицом в его плечо, опустив уголки глаз:

— И звони. И видеосвязь.

Сюй Ибай поцеловал его:

— Хорошо.

Времени оставалось совсем мало. Он держал руку Шэнь Яо, и было так много всего, что хотелось сказать, — и совершенно не хватало времени.

Он успел только:

— Скучай по мне.

Уже в телетрапе у него зазвонил телефон. Сестра.

У него был публичный аккаунт в социальных сетях — всегда в его руках, но почти пустой. За всё время он выложил туда лишь одно: «С Новым годом» — раз в год, неизменно.

Но перед посадкой Сюй Ибай нарушил это молчание.

Фотография — силуэт в контровом свете. Лицо неразличимо, только ресницы угадываются сквозь размытое сияние, словно крылья бабочки.

Подпись в два слова: «Муза».

Смысл был понятен всем. Комментарии взорвались мгновенно. Сюй Ибай на них даже не взглянул.

— Это тот омега, о котором ты всё время говоришь?

Он тянул чемодан по проходу.

— Угу.

— Столько времени прятал — и наконец выложил фотографию, на которой вообще ничего не разберёшь.

— Он разрешил, — сказал Сюй Ибай.

— Имя, — отрезала сестра. — Он ничего не рассказывает о своей семье, и ты ни о чём не спрашиваешь. Мне это всегда казалось странным. Давай я сама разузнаю, хочешь?

Колёсико чемодана зацепилось за выбоину — раздался короткий скрежет, похожий на всхлип. Сюй Ибай невольно сбился с шага. Он и сам колебался. Он и сам хотел знать — какая история скрывается за Шэнь Яо.

Он подобрал его под проливным дождём — отогрел, привёл в порядок, вернул лоск потрёпанной шерсти. Шэнь Яо всегда напоминал ему раненого дикого котёнка: свободного, неприкаянного, ищущего Сюй Ибая лишь тогда, когда нуждался в утешении.

— Нет. Не надо.

Это была рана Шэнь Яо. Вскрывать её чужими руками он не хотел.

*

Сегодня у Шэнь Яо был выходной.

Он вернулся домой — в квартиру, ставшую непривычно пустой после отъезда Сюй Ибая, — включил проектор, взял снеки и забрался с ногами на диван, на то место, где обычно сидел Сюй Ибай.

Нашёл новую комедию. Оказалась дрянью — ни разу не рассмешила. Шэнь Яо досмотрел до конца просто так, чтобы убить время.

Едва погасли титры, позвонил Чэнь Шуан:

— Господин Шэнь, не забудьте о сегодняшнем аукционе. Вы по-прежнему живёте на старом месте? Я заеду за вами.

Шэнь Яо глянул на часы. Пора.

— Да, хорошо.

Омег, вешавшихся на Янь Чжисина, было слишком много. Тех, кто пытался их подсунуть, — ещё больше. Янь Чжисин использовал Шэнь Яо в полную меру: сам почти нигде не появлялся, но когда появлялся — неизменно брал его с собой. Живой щит.

Шэнь Яо не слишком возражал. Ему самому было нужно, чтобы Шэнь Фулинь видел: для Янь Чжисина он кое-что значит. Вот и удобный случай.

Он привычно устроился на заднем сиденье и смотрел в окно на мелькающий за стеклом город.

На аукцион нужны были приглашения. Янь Чжисин не предъявил ничего — поседевший хозяин встретил его лично и сам проводил наверх, в заранее приготовленную ложу.

Слухи о том, что Янь Чжисин водит Шэнь Яо с собой как мужского партнёра, давно разошлись по нужным кругам. Те, кто знал, и те, кто не знал, — завидев их вместе, одинаково не могли скрыть изумления.

В том числе Дай Синхуэй и двое его приятелей.

Проходя мимо, Шэнь Яо заметил кулак Дай Синхуэя — сжатый, застывший на колене. Шэнь Яо смотрел прямо перед собой, ни разу не обернувшись — как смотрят на пустое место.

Он прошёл в ложу вместе с Янь Чжисином и углубился в телефон.

После той встречи на секретной базе он перестал отвечать Дай Синхуэю и его компании. Поначалу те восприняли его холодность как должное. Потом начали нервничать. Приезжали к семье Шэнь — не заставляли. Теперь эти бездельники каждый вечер колесили по барам и ночным улицам.

Узнав, что Шэнь Яо с Янь Чжисином, Дай Синхуэй поначалу отказывался верить. Теперь, увидев всё собственными глазами, он дрожал с головы до ног.

Сообщения, которые он слал Шэнь Яо, были полны грязной брани.

Шэнь Яо нахмурился — совершенно спокойно — и ответил:

— Выйди к лестнице второго этажа. Жди меня там.

Янь Чжисину он сообщил коротко:

— Я на минуту выйду. Скоро вернусь.

Шэнь Яо не торопился. Когда он подошёл к лестнице, Дай Синхуэй уже ждал — с налитыми кровью глазами. Едва завидев Шэнь Яо, он взорвался:

— Шэнь Яо, ты надо мной издеваешься?! Тебе нравится меня дразнить?! Ты с Янь Чжисином?! Почему с ним, а не со мной?!

Голос вдруг сорвался, упал:

— Я столько лет хожу за тобой следом... Ещё с самой средней школы... Они были правы, ты в самом деле...

Грязное слово не успело сорваться с языка.

Шэнь Яо засмеялся.

На него сыпались обвинения, а он смеялся — легко и красиво, как будто ничего не происходило. Брань застряла у Дай Синхуэя в горле.

— Вот видишь, ты всегда так. — Шэнь Яо опустил взгляд. В нём мелькнуло что-то похожее на грусть. — Стоит мне не ответить на твои чувства — и ты уже бросаешься с обвинениями. Я что-то сделал не так?

Дай Синхуэй растерялся — и рефлекторно:

— Яояо... прости, я не...

— Не за что извиняться, — сказал Шэнь Яо ровно. — Я не злюсь.

Дай Синхуэй выдохнул. Немного опомнившись, он вдруг устыдился собственной горячности: Шэнь Яо всего лишь пришёл на аукцион с Янь Чжисинем — никакой близости, никаких признаков отношений. Может, они вовсе не вместе.

Но то, как он сейчас набросился на Шэнь Яо, — этого тот точно не забудет.

Дай Синхуэй уже открыл рот, чтобы объяснить что-то, — и осёкся.

— Ты любишь меня... — произнёс Шэнь Яо тихо и ровно, словно говоря о погоде, — уже восемь лет?

Эти слова упали в тишину — и разошлись в ней волнами. Дай Синхуэй оцепенел. Только сейчас до него дошло: Шэнь Яо знал всегда. Не мог не знать.

Во взгляде Дай Синхуэя против его воли мелькнула надежда.

Следующая фраза Шэнь Яо погасила её, точно бросив горсть льда в огонь.

— Чжан Сыюй и остальные — они твои лучшие друзья. И вы все любовались моей внешностью, верно? Ах да, вы же раньше были дружны.

—...

— В детстве вы все хотели угостить меня конфетами и дарить подарки. Я не брал.

Дай Синхуэй понял, к чему это ведёт. Его лицо исказилось.

— Нет, нет, это не так...

— Зато вы рвали мои вещи. Выбрасывали их. И говорили, что я сирота.

Шэнь Яо помнил всё до мельчайшей подробности — и говорил об этом спокойно, словно речь шла о чьей-то чужой жизни и те старые обиды давно выветрились без следа.

— Но потом, когда я немного подрос, обнаружил кое-что забавное. Хочешь знать, что именно?

Красивый, нежный омега — а у Дай Синхуэя по спине пополз холодный пот. Ноги сами понесли его назад, к краю лестничного пролёта.

— Мне достаточно было один раз улыбнуться — вот так, как сейчас, — и вы тут же вставали рядом. — Шэнь Яо улыбнулся — ослепительно, как цветущая роза. — Ваша дружба была такой хрупкой. Два слова — и уже ссора. Разрыв из-за сущих пустяков.

— Не так уж много усилий — и три преданных пса у ног. Выгодная сделка, не правда ли?

Дай Синхуэй побледнел:

— Ты...

Шэнь Яо сделал шаг вперёд. Дай Синхуэй попятился — ещё ближе к краю.

— Все ваши подарки я выбрасывал. Ни на одно сообщение не хотел отвечать. И кстати — в старшей школе вас регулярно ловили в подсобке и избивали. Это тоже я организовал.

Дай Синхуэй онемел. В горле пересохло.

— Хоть одно твоё слово было настоящим? — произнёс он с отчаянием. — Когда расспрашивал нас о Янь Чжисине — просто выуживал информацию?

— Нет. — Шэнь Яо ответил без малейшей паузы. — Но сейчас могу сказать тебе кое-что настоящее.

В глазах Дай Синхуэя вспыхнула последняя, жалкая надежда:

— Что?

— Иди умирай.

Шэнь Яо поднял руку и положил её на плечо Дай Синхуэя — тонкую, изящную руку омеги, которую так и хочется держать в своей ладони.

В следующий миг он толкнул его. Резко. Без колебаний.

Дай Синхуэй полетел вниз — зрачки сузились, тело рефлекторно скрутилось, защищая голову. Он смотрел на Шэнь Яо снизу вверх.

Тот стоял у края — красивый и безмятежный, как статуя. С высоты лестничного пролёта он казался существом из другого мира.

— Когда приду на твои похороны, — сказал Шэнь Яо, — вот тогда, может быть, и улыбнусь по-настоящему.

Бум.

Лестница была невысокой — до смерти не убьёт. Но боли хватит. Дай Синхуэй лежал на холодном полу, согнувшись, не в силах пошевелиться.

Шэнь Яо развернулся — и застыл.

Янь Чжисин смотрел на него. Молча. Без всякого выражения. Он наблюдал за всем — и не сделал ни единого движения, чтобы помочь упавшему.

Два сапога пара.

— Ты тоже слышал, — сказал Шэнь Яо, не отводя взгляда. — Что я давно разнюхивал о тебе — хотел зацепиться за выгодную ветку.

В его манере что-то едва заметно переменилось. Впервые в присутствии Янь Чжисина он позволил себе чуть распуститься.

— Я добился своего. Так что братец меня теперь защитит?

<http://bllate.org/book/18245/1748444>